

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ГУБАНОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков факультета лингвистики, Международный институт рынка (Самара, Российская Федерация)
gubanov5@rambler.ru

ЭПИТЕТ В АСПЕКТЕ СОЧЕТАЕМОСТИ С СУБСТАНТИВОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА М. ЦВЕТАЕВОЙ)

Дается характеристика основных моделей сочетаемости эпитета и субстантива в рамках эпитетного комплекса (эпитет плюс субстантив – определяемое слово), используемого в творчестве М. Цветаевой. Отмечается антропоцентризм обоих компонентов эпифразы, указываются основные типы метафорического и метонимического направлений в построении эпитета и подборе к нему определяемого компонента, отмечается уникальность логики поэта при работе с подбором эпитетов, а также некоторые тенденции поэтического языкового поиска. Представлена разработанная автором типология групп эпитетов и субстантивов на основе семантического критерия. Выводы основываются на семантическом и статистическом методах лингвистического анализа, а также на авторской интерпретации языковых фактов в рамках идиостиля Цветаевой. Уникальность языка Цветаевой, как показал анализ одного участка концептосферы – эпитета, заключается в развернутой характеристике реалий окружающего мира с позиции личности, человека эмоционального.

Ключевые слова: эпитет, Цветаева, эпифраза, метафора, метонимия, антропоцентризм

Несмотря на исследовательский интерес лингвистов к изучению особенностей прилагательного в лирике М. И. Цветаевой [1], [3], [4], *эпитет* во всем его многообразии остается неизученным в коммуникативно-деятельностном, системном аспектах; попытка такого исследования представлена А. В. Громовой [2: 46]. Сложный эпитет (с некоторыми примерами из текстов М. Цветаевой) рассмотрен частично в монографии Т. М. Фадеевой [9]. Элементы рассмотрения эпитетных слов и определяемых ими существительных содержатся в работах, посвященных тем или иным лексическим и семантическим особенностям поэтики цветаевских текстов [2], [5], [6], [7], [8], [10], [11].

Комплексное рассмотрение эпитета в текстах Цветаевой, трактовка его природы, лексемного состава, когнитивных механизмов конструирования и связь этих механизмов с интенциями авторского Я, с основными константами, концептами творчества пока остаются неисследованными.

В настоящей статье рассмотрим тенденции сочетаемости определений и определяемых слов крупнопланово, в рамках тематических сфер, а затем проанализируем валентностные свойства определений, относящихся к сфере человека, поскольку именно она является самой репрезентативной и частотной в творчестве Цветаевой.

Отметим, что в текстах произведений Цветаевой намечается, с одной стороны, тенденция к использованию в рамках одной эпифразы субстантивной и адъективной лексики одной семантики (наименования органов тела человека, абстрактных понятий: любовь, совесть, память и т. д., напр.: *памятливая совесть*) – таких эпифраз

около 65 %, а с другой стороны, налицо тенденция переноса слов-определений из одной тематической сферы в другую (35 %).

Рассмотрение тенденций сочетаемости эпитетов и определяемых слов в произведениях Цветаевой привело к следующим выводам. Самой употребительной группой лексем в функции эпитетов оказалась группа определений концептосферы человека (наряду с группой артефактов и группой природы), самыми частотными из которых являются определения эмоционального и характерологического типов; немного уступают им эпитеты, описывающие физические свойства предметов. Сочетаемость групп эпитетов с различными определяемыми словами дает основания говорить о преобладании логики олицетворения и персонификации: при субстантивах, связанных со всеми сферами, преобладают эпитеты антропологической (прежде всего эмоциональной) семантики, что способствует образованию метонимических (в сфере человека) и метафорических (в сферах артефактов и природы) эпитетов. Семантика определений зачастую трансформируется: прямое значение определения приобретает дополнительные оттенки смысла в силу своей принадлежности к иной денотативной области.

В группе эпитетов, исходно (по своему прямому значению) относящихся к сфере человека, около 70 % приходится на определения антропоцентричной семантики, среди которых лидирует группа эмоционально-психологических определений (375 употреблений; напр.: *печальная душа*), доля других групп невелика (внешнего облика – 12 контекстов; напр.: *память голубококая*; интел-

лектуальной деятельности – 10 контекстов; напр.: *памятливые глаза*, межличностных отношений – 8 единиц; напр.: *взаимный сон*; отмечены единичные употребления эпитетов других групп). Эпитеты иных групп демонстрируют пеструю картину сочетаемости: чаще всего используются эпитеты семантики физических свойств предметов, которые принимают участие в овеществлении понятий, связанных с человеком как живым существом (*замшевый нос*). Имена артефактов олицетворяются посредством их сочетаемости с антропоморфными эпитетами (более 85 %), что позволяет говорить о повышенном внимании поэта к использованию антропоцентричной лексики: среди всех групп таких определений особой частотностью выделяются также эмоционально-психологические эпитеты (около 70 % от числа эпитетов данной сферы). Природные объекты осмысляются в логике персонификации, причем лидеров среди конкретных групп антропоморфных эпитетов не наблюдается: актуализируются как внешние, так и психологические особенности одушевленной реалии.

Несмотря на многообразие эпитетов и определяемых слов, относящихся к группе состояния субъекта, можно проследить некоторые тенденции в их употреблении. Идиостиль Цветаевой характеризуется повышенным вниманием к изображению внутренней жизни субъекта; ее описание в рамках эпифраз происходит путем привлечения эпитетов сферы «человек» в сочетании с субстантивами преимущественно этой же субсферы – в таком случае образуется метонимический эпитет; если в качестве субъекта выступает природный объект или артефакт, происходит конструирование эпифразы с метафорическим эпитетом.

Наиболее показательными в этом отношении нами признаются «антропоцентричные» метонимические модели переноса эпитета по векторам: человек (как целое) – орган человека (часть): *грустные глаза*, *сонные глаза*, *несмелая рука* (1024 контекста, 52 %), человек (как целое) – абстрактное понятие или состояние человека (часть или проявление): *невыспавшийся сон*, *взгляд*, *к обороне готовый* (544 контекста, 20 %), человек (как целое) – артефакт (производное, «продукт» человеческой деятельности): *тревожный дом*, *отзавтракавший стол* (106 контекстов, 4 %). Так, можно констатировать, что метонимическая логика осмысления реалий оказывается для поэта основной.

В текстах Цветаевой наиболее представительной с учетом количества различных имен, частотности их словоупотребления, а также разнообразия эпитетов, употребляемых при них в составе эпифраз, является сфера человека. Более 80 % всех словоупотреблений субстантивов включают эпитеты, относящиеся к данной сфере

(*унылый час*, *мятежный карандаш*, *нежная рука*, *скрытые ресницы*, *заспанная рука* и т. д.).

Сфера человека, будучи самой репрезентативной и представленной многообразными именами, демонстрирует сочетаемость с эпитетами, относящимися к семантической группе «определения, характеризующие человека (субъекта)» (более 70 % словоупотреблений). Эпитеты тяготеют к метонимическому означиванию субъекта (лица), сочетаясь с различными определяемыми словами, обозначающими части человеческого тела или абстрактные понятия сферы человека.

Субстантивы, номинирующие части человеческого тела, чаще всего используются в сочетании с эмоциональными эпитетами (187 единиц) и эпитетами, обозначающими физическое состояние человека (158 единиц). В этом случае внутреннее состояние человека (типичное для него или ситуативно обусловленное) своеобразно проецируется на те или иные детали его облика, воспринимаемые извне. Так возникает метонимический эпитет: *А рука-то занемелая, / А рука-то сонная...* (3: 215)¹ (*рука сонного человека*), *Вызов смелого жеста* (1: 199) (*жест человека, способного на смелые поступки*); *На завитки ресниц / Невинных и наглых...* *Загляделся один человек...* (1: 319) (*завитки ресниц человека, испытывающего чувство наглости*); *Отказ равнодушных глаз...* (2: 232) (*в глазах читается отказ человека, испытывающего равнодушие*); *Дерзкая, – ох! – кровь* (1: 270) (*характер человека – дерзкий*); *Рвусь к любимому плечу* (1: 52) (*к любимому человеку, к плечу любимого*); *Дугой согбен, все – гордая спина* (1: 552) (*спина гордого человека*; *спина – частый заместитель человека вообще*).

При обозначении частей тела человека сочетаемость таких имен (*глаза*, *рука*, *рот*, *кровь*, *спина* и т. д.) с эмоциональными и характерологическими эпитетами воспринимается как общеязыковое и общепозитическое языковое словоупотребление, пусть и очень часто используемое поэтом. В тех же случаях, когда употребляются субстантивы абстрактного типа, происходит олицетворение или персонификация отвлеченных понятий, что влечет за собой появление яркого образа, построенного, с одной стороны, на метафорическом уподоблении абстракции человеку, а с другой стороны, на метонимическом сближении признака и имени, относящихся к одной денотативной сфере (см. выше статистические данные о типах переноса). Такое признаковое моделирование абстрактных концептов данной сферы показательны в отношении цветаевского концепта *сон*. Сну приписываются свойства человека: он может быть *мудрым*, *невыспавшимся* и т. д.: *Вам мудрый сон сказал украдкой...* (1: 48); *Обеими руками / В твой невыспавшийся сон* (2: 128). Небо тоже может быть у Цветаевой «невыспавшимся»: *Невыспавшееся небо, точно протирающее глаза верхом руки* (1: 22).

Особенность цветаевской работы с рассматриваемым концептом заключается в «раскручивании» изначально общеязыковой эпифразы (ср. *глупый сон, мудрый сон*), которое выражается в расширении сочетаемости определений с данным субстантивом: любое определение, относящееся к сфере человека, может быть употреблено с любым (в нашем случае со словом *сон*) субстантивом эпифразы. На этом участке «расширения» сочетаемости эпитета и субстантива возникает яркий образный эффект, который особенно заметен применительно к именам, немного «оторвавшимся» от «физического человека», а потому ощущаемым как косвенно относящимся к сфере человека.

Такие метонимические по происхождению и метафорические по своему эффекту переносы определения прослеживаются относительно практически всех абстракций. Именно группы психологического состояния и внешнего облика субъекта чаще всего сочетаются с именами данной сферы (ср., например, эпифразы *дерзкая кровь, зоркая ночь, молодая совесть*). Таких примеров около 60 % от общего количества эпитетов в составе модели «эпитет + субстантив сферы человека».

Иные типы эпитетов также довольно часто сочетаются с именами сферы «человек», но из-за небольшого количества самих лексем занимают меньшее место в общей системе словоупотребления.

Сочетаемость эпитетов и субстантивов группы «человек»

Покажем тенденции сочетаемости определений и субстантивов на примере самой употребительной группы эпитетов – группы, характеризующей субъекта.

1. Семантическая группа лексем, обозначающих эмоционально-психологическое состояние субъекта

Эмоции получают свое выражение в конкретных субстантивах (*глаза* (232), *рука* (47), *душа* (33), *рот* (11)), редко – в абстрактных номинациях (*воля, страсть, честь* – единичные примеры).

Самым частотным эпитетом следует признать эпитет *печальный* (синоним *грустный*) (15 субстантивов, 194 употребления):

а) субстантивы сферы «человек»: *глаза* (87 употреблений), *рука* (43), *душа* (14), *рот* (12), *губы* (10), *краса* (1), *страсть* (1), *честь* (1);

б) субстантив сферы артефактов: *дом* (12);

в) субстантивы сферы «природа»: *день* (6), *дымка* (1), *нива* (1).

Эпитет *печальный* (и наречие *печально*) – один из самых частотных эпитетов в творчестве Цветаевой; видимо, в этом выражается особенность мировосприятия поэта. Существительные практически всех ментальных сфер сочетаются с данным эпитетом, реализуя основное значение «погруженный в состояние грусти, печали, тоски»

либо метонимически соотносящееся значение «вызывающий печаль»: *Печальные губы мы помним / И пышные пряди волос* (1: 103); *От дум, что вовеки не скажешь словами, / Печально дрожали капризные губки* (1: 99); *...чтоб у мамы в глазах / Не дрожали печальные слезки?* (1: 105).

Грусть, печаль может быть выражена или читается во взгляде, глазах, слезах (как выражении печали), рте, губах субъекта. Данные выражения, часто употребляясь в речи и поэтическом языке, стали восприниматься как безобразные, стертые. *Грустная душа, страсть* – выражения, определяющие более глубокое чувство тоски, печали; у Цветаевой они предстают в качестве емких образов: *И сказал Христос, отец любви: / «По тебе внизу тоскует мама, / В ней душа грустней пустого храма, / Грустен мир. К себе ее зови»* (1: 34). Теологическая метафора, встроенная в ментальную модель «вместилище» – уподобление души пустому храму, повтор эпитета в краткой форме, – все это способствует созданию неповторимого наглядного образа.

Неслучайность образа грустной души как пустого, брошенного вместилища подтверждается еще одним контекстом: *В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме... / (В нашем доме, весною...)* (1: 107).

2. Семантическая группа лексем, обозначающих внешний облик субъекта, его физическое состояние

Эпитеты со значением внешнего облика человека сочетаются с лексемами двух сфер – человека (11 употреблений: *глаза* (2), *рука*, *сердце*, *лоб*; *любовь* (2), *дружба*, *юность*, *мысли*, *ошибка*) и природы (10 употреблений: *небо* (3), *дерево*; *клюв*, *конь*; *ночь*, *холод*); с субстантивом *дверь* – 1 употребление.

Центральными эпитетами данной группы выступают прилагательные *зрячий* и *слепой*, реализуя многообразные значения.

Эпитет *зрячий* (*зоркий*) (7 субстантивов; 10 употреблений):

а) субстантивы сферы «человек»: *глаза* / *взгляд* (1), *ошибка* (1), *рука* (1), *сердце* (1);

б) субстантивы сферы «природа»: *небо* (3), *клюв* (1), *круг* (1), *ночь* (1).

Лирическая героиня говорит о себе: *Все ведаю – не прекословь! / Вновь зрячая – уж не любовница!* (1: 122), имея в виду, что она теперь прозрела, то есть невлюбленная, не ослепленная любовью.

Эпитет *слепой* (5 субстантивов, 5 употреблений): *бич* (1), *очи* (1), *шарманщик* (1), *толпа* (1), *юность* (1).

Семантика данного эпитета многообразна:

а) «лишенный зрения»: *Не уходит шарманщик слепой* (1: 36);

б) «заблуждающийся, не видящий истины»: *Вся стража – розами увенчана: / Слепая, ша-*

лая толпа! (1: 387); *Можно ль, чтоб века / Бич слепоок / Родину света / Взял под сапог?* (2: 544);
в) «неопытный»: – *Остановись!* – / *Юность слепа* (2: 122);

г) «непреклонный, суровый, жестокий»: *Хищен и слеп, / Хищен и глуп.*

Милости нет: / Каменногруд (о роке) (2: 276).

При характеристике человека / людей (*шарманичик, толпа*) такие прилагательные реализуют свои прямые значения. При номинации же других реалий, не связанных с конкретно названным лицом, в семантической структуре эпитета появляются новые оттенки смысла. Например: *Грань дружбе гордой и голой* (2: 270) концепт *дружба* начинает осмысляться иначе: это дружба честных людей, самоотверженная, настоящая – эпитет *голый* приобретает новые созначения, отличные от прямого значения. Или во фразе: *Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая / Свет – люблю тебя, зоркая ночь* (1: 245) происходит сложное моделирование образа ночи, темной до такой степени, что она способна все видеть, а потому зоркая, черная, как глаза.

Так, эпитеты приобретают новые оттенки значения, формально оставаясь в рамках данной группы эпитетов с учетом их прямых значений.

3. Семантическая группа лексем, обозначающих характер субъекта

Среди эпитетов данной семантической группы наблюдается их частая сочетаемость с субстантивами всех трех сфер.

Эпитеты, сочетающиеся только с номинациями человека, представлены следующими лексемами:

– *капризный* (5 субстантивов, 16 употреблений): *душа* (8), *губы* (5), *извилины губ* (1), *речь* (1), *сердце* (1);

– *брезгливый* (2 субстантива, 4 употребления): *грусть* (уст) (1), *наклон* (3);

– *вероломный* (3 субстантива, 3 употребления): *глаза* (1), *кровь (жилы)* (1), *сон* (1);

– *упрямый* (3 субстантива, 3 употребления): *завиток* (1), *рука* (1), *угроза* (1).

Вероломство и верность становятся близкими понятиями при характеристике лирической героиней своего внутреннего Я:

Цыганская страсть разлуки! / Чуть встретишь – уж рвешься прочь! / Я лоб уронила в руки / И думаю, глядя в ночь: / Никто, в наших письмах роясь, / Не понял до глубины, / Как мы вероломны, то есть – / Как сами себе верны (1: 354). Вера, верность не другому, пусть даже самому любимому человеку, а себе, своей натуре, становятся для Цветаевой важнее любви, а «цыганская страсть разлуки» – выражением свободы от всего земного. Так, признак *вероломный* сохраняет исходное значение в контекстах-эпифразах, но меняет внутреннюю мотивированность при употреблении в предикативной функции

применительно к образу лирической героини, расшифровывающей новый смысл определения. Для Цветаевой эпитет становится ключевым словом стихотворения, раскрывающим мироощущение поэта.

Характер человека заметнее всего проявляется и «считывается» с глаз, поэтому самым частотным является именно этот субстантив (75 употреблений); затем идут такие имена, как *рука* (33), *губы (рот)* (26), *душа* (19).

Природные объекты – *местность, лес* (2), *дерево, луг, пруд, ветер, воздух* – одушевляются и используются поэтом для распространения признака, обозначающего внутреннее состояние субъекта, на природную реалию: *Ревнивый ветер треплет шаль* (1: 21); *Дерево, доверчивое к звуку...* (3: 562).

4. Семантическая группа лексем, обозначающих возраст субъекта

Группа эпитетов с семантикой возраста демонстрирует очень широкую сочетаемость с самыми различными субстантивами. Большинство из них относятся к сфере человека. С одной стороны, представлены конкретные имена: *глаза* (21), *рот* (6), *губы* (5), *лоб* (5), *рука* (4), *сердце* (1); с другой стороны, абстракции – *важность, стыдливость, совесть: Бузина – целый сад залила / Кровью юных и кровью чистых...* (2: 411); *И мне дороже старческие очи / Открытых небу юных глаз* (1: 166); *Раскрепощу молодую совесть* (1: 568).

Сфера природы представлена номинациями в прямом значении с такими субстантивами, как *буря, мир, уж, змея, волчица* и др.

О столе как концепте творчества Цветаева говорит, создавая образ «живого» артефакта: *... живым стволем! / С листвы молодой игрой / Над бровью, с живой корой...* (стол) (2: 265).

5. Семантическая группа лексем, обозначающих межличностные отношения

Эпитеты с семантикой межличностных отношений демонстрируют сочетаемость со следующими субстантивами:

– концептосферы «человек» (9 единиц): *глаза / взгляд / ресницы / зрачок, рука, душа, уста, кивок; сон*: *Кошусь на своего белого негра: глаза невинные* (3: 105); *...будет разрешен / Себялюбивый, одинокий сон* (1: 547); *Сумрак ночей и улыбку зари / Дай отразить в успокоенном взоре* (1: 148);

– с некоторыми артефактами (*риза, ряса, флейта*): *Я полюбила: / Мутную полночь, / Льстивую флейту, / Праздные мысли* (1: 402); *Не для льстивых этих риз, покрывалом...* (2: 204).

Необходимо отметить, что исходная семантика эпитетов трансформируется: например, *льстивый человек – флейта льстивого человека – льстивая флейта (мелодия)*, но уже не просто *льстивая, а манящая, призывная, милая слуху,*

то есть характеризуется звучание инструмента и его эстетическое восприятие.

6. Семантическая группа лексем, характеризующих субъект как производителя действия

Субъект трактуется нами предельно широко в качестве лица или абстрактного производителя действия; таковым действием может наделяться практически любая реалья, ситуативно становящаяся центром высказывания.

Среди большого количества разнообразных действий отметим две противопоставленных друг другу группы: действия деструктивные (*бить, рушить, расколоть* и т. д.) и созидющие (*писать, пахать, ваять* и т. д.).

Производитель действия мыслится автором абстрактно: *упирающиеся страсти* (= люди), *спеющая река* (вода), *плющ, обнимающий край плаща* (природный объект), *лес, сорвавшийся ввысь; минута, мерящая* (время как субъект). Эти факты говорят о широкой сочетаемости данной группы эпитетов практически с любыми, ситуативно актуализированными понятиями.

7. Семантическая группа лексем, обозначающих интеллектуальные способности субъекта

Группа эпитетов с семантикой умственной активности субъекта уникальна в том смысле, что все определения употребляются исключительно с антропологическими субстантивами: *глаза/зрачок, губы, рот; слово; грех*.

Ему в задумчивые глазки / Взглянула... (1: 24); С рожденья чуждые мольбам, / К его задумчивым губам / Они прильнули обе... обе...

(1: 107); *В какой обратился треклятый ад / Мой глупый грешок грошовый!* (1: 189).

8. Семантическая группа лексем, характеризующих речевую деятельность субъекта в широком смысле

Данная группа определений в большинстве своем относится к субъекту в широком смысле, в том числе при его метонимическом обозначении – как субъекта речевой деятельности (*рот, гадавший многим*), субъекта морально-психологической деятельности (*душа, не съевшая обиды*). В целом речевая деятельность в текстах Цветаевой часто оценивается автором с той или иной точки зрения, что выражается в большом количестве экспрессивно окрашенных лексем: ср. *под плащом лгуцим и лгуцим* (то есть скрывающим).

9. Семантическая группа лексем, обозначающих социальный статус лица

Социальная характеристика относится к субъекту в широком понимании: это и человек (употребление субстантивированных *богатый, нищий*), и его проявления (*барская, царская тоска, дворяно-российский жест, нищая любовь*), а также реалии окружающего мира (*владение, город, дом, сад, цветник* и т. д.).

Проведенное исследование дает повод говорить о предпочтении М. Цветаевой антропоцентричной лексики в составе эпифразы как со стороны конструирования образа посредством эпитета, так и в рамках его сочетаемости с субстантивом; основным механизмом построения образа следует признать метонимический.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольская Н. И. О славянизмах в поэтическом языке М. Цветаевой // Русский язык в школе. 2002. № 4. С. 61–69.
2. Громова А. В. Выразительный потенциал имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах эпитетного типа (на материале поэзии М. И. Цветаевой) // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 6 (96). С. 46–49.
3. Громова А. В. Эстетическая актуализация имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах в лирике М. И. Цветаевой // Сибирский филологический журнал. Вып. 1. Новосибирск, 2010. С. 228–232.
4. Губанов С. А. О механизмах переноса прилагательного в художественном тексте (на материале творчества М. И. Цветаевой) // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Междунар. науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике». Кемерово: Изд-во КемГУ, 2006. С. 651–656.
5. Зубова Л. В. Субстантивация прилагательных и причастий в стихотворениях Марины Цветаевой // Семасиология и грамматика. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 1977. С. 39.
6. Зубова Л. В. Внутрисловная полисемия и омонимия в поэзии М. Цветаевой // Слово и конструкция в художественном тексте. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 1991. С. 26–37.
7. Порошина А. И. Прием семантической аппликации: функционирование и особенности реализации в поэтических текстах различных жанров: стихотворение, лирический цикл, поэма, лирическая поэма (на материале текстов М. Цветаевой) // Вестник ЧГПУ. 2009. № 7. С. 273–279.
8. Порошина А. И. Семантический сдвиг как следствие семантической аппликации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 164–165.
9. Фадеева Т. М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 350 с.
10. Фадеева Т. М. Основные единицы, выражающие определяемые объекты при сложных эпитетах // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2010. № 5. С. 24–30.
11. Фокина М. В. Системноязыковые и индивидуально-авторские способы и средства выражения предиката (на материале текстов М. Цветаевой и Б. Пастернака) // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н. И. Вавилова. 2006. № 3. Вып. 2. С. 109–111.

Gubanov S. A., International Market Institute (Samara, Russian Federation)

THE ASPECT OF EPITHET AND SUBSTANTIVE COMPATIBILITY (BASED ON M. TSVETAeva'S WORKS)

The basic models of the epithet and substantive compatibility within the frames of the epithet complex (adjective + substantive – determined word) used in the works of M. Tsvetaeva are characterized. The anthropocentrism of both components of the epiphase is highlighted; the main types of metaphoric and metonymic directions in the epithet constructions are determined; uniqueness of the poet's logic when dealing with epithets' selection is emphasized; the trends of poetic language search are accentuated. On the basis of semantic criteria a special classification typology of the adjective and substantive groups is presented. The research results are based on the use of both semantic and statistical methods of linguistic analysis, as well as on the author's interpretation of linguistic facts inherent to M. Tsvetaeva's style. As it was shown in the analysis, uniqueness of M. Tsvetaeva's language is characterized by the wide employment of epithets, by the description of the world realities from the standpoint of a person, of an emotional person.

Key words: epithet, M. Tsvetaeva, epiphase, metaphor, metonymy, anthropocentrism

REFERENCES

1. Vol'skaya N. I. About Slavic words in poetic language M. Tsvetaeva [O slavyanizmakh v poeticheskom yazyke M. Tsvetaevoy]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2002. № 4. P. 61–69.
2. Gromova A. V. The expressive potential of attributive adjectives in regulatory structures epithet type (based on the poetry M. I. Tsvetaevoy) [Vyrazitel'nyy potentsial imen prilagatel'nykh v atributivnykh regulyativnykh strukturakh epitetnogo tipa (na materiale poezii M. I. Tsvetaevoy)]. *Vestnik TGPU*. 2010. Issue 6 (96). P. 46–49.
3. Gromova A. V. Aesthetic actualization of attributive adjectives in the regulatory framework in the lyrics M. I. Tsvetaeva [Esteticheskaya aktualizatsiya imen prilagatel'nykh v atributivnykh regulyativnykh strukturakh v lirike M. I. Tsvetaevoy]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. Issue 1. Novosibirsk, 2010. P. 228–232.
4. Gubanov S. A. About mechanisms of metaphors in the poetic language of M. Tsvetaeva [O mekhanizmakh perenosa prilagatel'nogo v khudozhestvennom tekste (na materiale tvorchestva M. I. Tsvetaevoy)]. *Novoe v kognitivnoy lingvistike: Materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Izmenyayushchayasya Rossiya: novye paradigmy i novye resheniya v lingvistike"*. Kemerovo, Izd-vo KemGU, 2006. P. 651–656.
5. Zubova L. V. Substantivation adjectives and participles in the poems of Marina Tsvetaeva [Substantivatsiya prilagatel'nykh i prichastiy v stikhotvoreniyakh Mariny Tsvetaevoy]. *Semasiologiya i grammatika*. Tambov, Izd-vo Tambovskogo un-ta, 1977. P. 39.
6. Zubova L. V. Intraword polysemy and homonymy in the poetry of Marina Tsvetaeva [Vnutrislovnaya polisemiya i omonimiya v poezii M. Tsvetaevoy]. *Slovo i konstruktsiya v khudozhestvennom tekste*. Tjumen, Izd-vo Tjumenskogo un-ta, 1991. P. 26–37.
7. Poroshina A. I. Admission semantic applications: operation and implementation features in the poetic texts of different genres: a poem, a lyrical cycle, a poem, a lyrical poem (based on texts of M. Tsvetaeva) [Priem semanticheskoy aplikatsii: funkcionirovanie i osobennosti realizatsii v poeticheskikh tekstakh razlichnykh zhanrov: stikhotvorenie, liricheskii tsikl, poema, liricheskaya poema (na materiale tekstov M. Tsvetaevoy)]. *Vestnik ChGPU*. 2009. № 7. P. 273–279.
8. Poroshina A. I. The semantic shift as a result of semantic applications [Semanticheskii sdvig kak sledstvie semanticheskoy aplikatsii]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2009. № 2. P. 164–165.
9. Fadeeva T. M. *Slozhnyy epitets v khudozhestvennom prostranstve russkogo yazyka* [Complex epithet in the artistic space of russian language]. Moscow, Izd-vo MGOU, 2013. 350 p.
10. Fadeeva T. M. Basic units expressing defined objects in complex epithets [Osnovnye edinitsey, vyrazhayushchie opredelyaemye ob'ekty pri slozhnykh epitetsakh]. *Vestnik MGOU. Seriya "Russkaya filologiya"*. 2010. № 5. P. 24–30.
11. Fokina M. V. Sistem-linguistics and individual copyrights ways and means of expression of a predicate (based on texts by M. Tsvetaeva and V. Pasternak [Sistemnoyazykovye i individual'no-avtorskie sposoby i sredstva vyrazheniya predikata (na materiale tekstov M. Tsvetaevoy i B. Pasternaka)]. *Vestnik Saratovskogo gosagrouniversiteta im. N. I. Vavilova*. 2006. № 3. Issue 2. P. 109–111.

Поступила в редакцию 20.11.2015